

Сов. кино, 1964, 28 ноября

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

«ХОЧУ БЫТЬ РАЗНОЙ...»

МЕНЯ попросили рассказать об актрисе Нине Меншиковой.

Пусть извинят меня читатели, если это не будет в полной мере творческий портрет с анализом и подробным разбором работ актрисы. Я ведь не критик. Просто я не могу говорить об актере, не говоря об актерах. И не могу не говорить о том, почему имя Меншиковой, наверное, мало, знакомо читателям.

Когда я думаю о своем так много испытавшем коллективе, называемом сегодня Центральной студией киноактера, мне почему-то представляется большая спортивная скамья запасных — отличных, профессиональных игроков, ждущих своей очереди войти в игру. Именно с этой нашей скамьи вошли в большие кинематографиче-

ские сборные Иннокентий Смоктуновский, Слава Тихонов, Сергей Бондарчук и многие, многие другие.

Вот одной из многих, сидящих на этой скамье и ждущих своего случая, и является Нина Меншикова. Нет! Она не обижена кинематографом. Не жалуется. «Что вы? Что вы? — сказала она мне, узнав для чего я так подробно выпрашиваю ее. — Я же работаю... Это нескромно писать обо мне».

Да, она работает. Но я, ее старший товарищ, знаю, что она могла и должна бы сделать больше того, что сделала и делает сегодня.

Познакомилась я с Ниной Меншиковой еще тогда, когда очередной курс С. А. Герасимова выпуска 1953 г. сдавал свой дипломный спектакль. Это была экранизация по «Юности Петра» А. Толстого. Я была приглашена сыграть одну из пожилых ролей. Выпуск был очень сильный, я не буду подробно останавливаться на всех, но среди них худенькая, неброской внешности Нина Меншикова — Анна Монс. И тут же на экзамене выяснилось: Нина отлично «страдает». Так и осталось за ней это «амплуа». И мой любимый кинематограф, так отлично умеющий брать от нас все, брать и еще раз брать, «берет» от Нины только «страдание».

Я обещала читателям не анализировать творчество Мен-

шиковой. Я и не буду этого делать. Я просто сама хочу напомнить себе ее, Нины, героинь. Кто остался? Кто запомнился? Оказался близок?

В маленькой картине, дипломной работе Сегеля и Ордынского по Чехову «Переполюх», она, помнится, появляется на экране с пестрой связкой детских воздушных шариков. Гувернантка Машенька Павлецкая со своими незатейливыми девичьими мечтами. Я помню ломкую фигурку и это детское несчастное личико, когда, как шары, лопаются и разлетаются все ее представления о порядочности, благородстве, доброте. Человечка, что только поднял глаза на большой мир, раздавили. На всю жизнь. И ей уж теперь не подняться. Она на всю жизнь останется «униженной и оскорбленной».

А потом была Ксана Рагозина в «Первых радостях» — хрупкая, мужественная жена революционера. Кому страшнее доля бы выпала — сына, первенца, в царской тюрьме, без отца, родить для приюта? Всего в двух-трех эпизодах появляется Ксана — Меншикова, прежде чем сообщают нам, что она умерла родами в тюрьме. Но остается и так тяжело западает в памяти даже не лицо, не фигура, а вот это удивительное ощущение мужества, заключенного в слабую, хрупкую оболочку.

Это редкое качество актера — как бы «разлить» по фильму

настроение героя — не черты, не детали, не характерность, а именно настроение. У Меншиковой есть этот «дар» — убедительность настроения.

Очень запомнила я ее фрау Фишер в «Первом дне мира». Не знаю, откуда, где взяла Нина это точное ощущение правды: да, это немка, немка мая 1945 года. Сколько их бродило, этих «без вины виноватых» по дымящимся руинам разрушенных немецких городов! Бродило вот таких бессильных, покорных, вот в таких тщательных обносках, с такими вытянувшимися в свечку, почти прозрачными детьми. Нина в этом фильме лишена слов, ее сопровождает орган. Неся крест молчания, идет по экрану ее фрау Фишер, как призрак самой Германии. И лишь в финале фильма в покорном этом молчании начинает тлеть робкая искорка надежды на жизнь для нее, для ее сына, для других. Она, эта немка, что-то начинает понимать.

В свое время много писали о Варваре — Меншиковой, матери Родьки из фильма В. Скуйбина «Чудотворная». Это уже не на обычных для актрисы полутонках, а на большом трагизме, на большом обобщении роль, роль женщины слабой, становящейся страшной в страшных руках. Может быть, здесь Меншикова во всю силу доказала свое право на большое искусство.

А пошли опять роли ми-

лые, приятные, интеллигентные, без нажима, но и без страсти — Нина («Битва в пути»), Вера Игнатьевна («Большие и маленькие») и другие.

— И везде я страдаю, страдаю. И везде плачу, — говорит Нина. — А так хочется сыграть что-нибудь светлое, жизнерадостное, яркое. Хочу быть разной...

Но даже в комедии «Девчата» ей предложили самую драматичную роль — «мамы Веры». И все-таки о картинах «Девчата» и «Серая болезнь» она говорит с радостью, потому что это комедии.

Сейчас Нина утверждена на роль Анны Ульяновой в сценарии «Сердце матери» (режиссер М. Донской).

Мне, ее старшему товарищу, не хотелось бы впредь перечислять ее работы, чтобы напомнить зрителям, кто она. Мне бы хотелось, чтобы, только услышав ее фамилию, человек уже знал, о ком идет речь, потому что, я уверена, Нина порадует нас еще не одной отлично сыгранной ролью. Хочется, чтобы это было скорее.

К сожалению, в погоне за оригинальностью, в поисках новых «звезд» режиссеры забывают о том, что куда больше появится их у нас, если чаще будут выходить на наше поле — на экран «запасные игроки».

Валентина ТЕЛЕГИНА,
заслуженная артистка
РСФСР.